Дискурсы этики. 2026, 3(31): 11–34
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_11-34.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-11-34

УДК 17

О ПРОБЛЕМЕ ГРЯЗНЫХ РУК (ПГР)

Прись И. Е.

статья:
поступила в редакцию 13.07.2026
принята к публикации 07.08.2026
опубликована (онлайн) 25.11.2026

© Прись Игорь Евгеньевич
доктор философии (PhD (философия)), кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
адрес для корреспонденции: frigpr@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Проанализирована проблема грязных рук (ПГР), введённая американским философом М. Уолцером (1973): в исключительных обстоятельствах для избежания худшего может быть необходимо и правильно нарушить важные моральные обязательства, совершив неправильное. Приведены аргументы в пользу того, что ПГР — это реальный парадокс, отражающий реальные ситуации, а не концептуальная ошибка. При этом достижение благой цели аморальными средствами не отменяет их аморального характера, хотя необходимость может их оправдывать; любое нарушение моральных норм оставляет отрицательный побочный моральный эффект. Утверждается, что ни одна моральная система и никакое законодательство не должны допускать исключений,

разрешающих «пачкать руки». В частности, на пытку должен быть наложен абсолютный запрет. Мысленный эксперимент с «тикающей бомбой» несостоятелен, поскольку причинно-следственная связь между пыткой и спасением людей в нём лишь предполагается, а не достоверна. Проведено различие между извиняемостью поступка и его обоснованностью: аморальный поступок может быть оправдан, но не обоснован; однако пытка не может быть ни обоснована, ни оправдана. Позиции макиавеллизма, консеквенциализма и спецификационизма, отрицающие негативный моральный остаток, признаны несостоятельными. Показано, что русский философ С.Л. Франк («Свет во тьме») занимает близкую к Уолцеру позицию: христианский долг может вынуждать идти на грех, если бездействие — больший грех. Понятия нравственного такта и конкретной эффективности у Франка также сближают его позицию с контекстуальным этическим реализмом автора данной статьи. Контекстуальный этический реализм облегчает анализ проблемы грязных рук, но не устраняет её. Моральный прогресс состоит в создании условий, при которых ПГР не возникает, однако новые конфликты неизбежны. Вместе с немецким философом М. Габриэлем автор статьи признаёт необходимость компромиссов, но отрицает допустимость собственно моральных компромиссов (компромиссов в моральных принципах, убеждениях).

Ключевые слова: проблема грязных рук (ПГР), деонтология, макиавеллизм, консеквенциализм, спецификационизм, контекстуализм, сценарий с тикающей бомбой, компромисс.

Discourses of Ethics. 2026, 3(31): 11–34
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2026/11/DE2026_3_31_11-34.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2026-3-11-34

ON THE PROBLEM OF DIRTY HANDS

Pris Igor

received 13.07.2026
accepted 07.08.2026
published (online) 25.11.2026

© Igor E. Pris
PhD in Philosophy, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Leading Researcher of Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Correspondence to: frigpr@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article analyzes the problem of dirty hands, introduced by the American philosopher Michael Walzer (1973): under exceptional circumstances, it may be necessary and right to violate important moral obligations by doing wrong in order to avoid a greater evil. Arguments are presented in favor of the view that the problem of dirty hands is a real paradox reflecting real-life situations, rather than a conceptual error. At the same time, achieving a good end through immoral means does not cancel their immoral character, although necessity may justify them; any violation of moral norms leaves a negative side-effect — a moral remainder. It is argued that no moral system and no legislation should allow exceptions that permit “dirtying one’s hands”. In particular, torture must be absolutely prohibited. The “ticking bomb” thought experiment is untenable because the causal link between torture and the saving of lives is merely assumed, not reliably established. A distinction is drawn between the excusability of an act and its justification: an immoral act can be

excused but not justified; however, torture can be neither justified nor excused. The positions of Machiavellianism, consequentialism, and specificationism, which deny the negative moral remainder, are found to be untenable. It is shown that the Russian philosopher Semyon L. Frank (in Light in the Darkness) holds a position close to Walzer's: Christian duty may compel one to sin if inaction is a greater sin. Frank's notions of moral tact and concrete effectiveness also bring his position close to the contextual ethical realism advocated by the author of this article. Contextual ethical realism facilitates the analysis of the dirty hands problem, but does not eliminate it. Moral progress consists in creating conditions under which the problem of dirty hands does not arise; nevertheless, new conflicts are inevitable. Together with the German philosopher Markus Gabriel, the author acknowledges the necessity of compromises, but denies the permissibility of moral compromises properly so called (i.e., compromises in moral principles and convictions).

Keywords: Problem of Dirty Hands, Deontology, Machiavellianism, Consequentialism, Specificationism, Contextualism, Ticking Bomb Scenario, Compromise.

«Сберегший душу свою потеряет ее;
а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»
(Ев. от Матфея 10:39)

1 Проблема (парадокс, «дилемма») грязных рук (ПГР). 1.1 Логика.

Иногда, кажется, одно и то же действие (поступок), A, может быть одновременно правильным и неправильным[1] в том смысле, что его одновременно должно и запрещено (не должно) совершать, и, следовательно, соответствующее бездействие одновременно неправильным и правильным. Что бы ты ни делал, ты всё равно совершишь что-то неправильное. Остаётся выбирать наименьшее зло (если это возможно). Другими словами, тезис утверждает существование деонтически противоречивых ситуаций.

В стандартной деонтической логике SDL с аксиомой непротиворечивости, *D*: $F\equiv O(\neg A)\rightarrow\neg O(A)$, где символ «O» означает «должен (обязан)», это логическое противоречие. Чтобы его избежать, можно предположить, что смысл «должен» не однозначен. Пусть, например, символ «O*» означает «должен» в смысле консеквенциалистской этики, а «O» и «F» — соответственно, «должен» и «запрещено» в смысле деонтологической этики. Тогда вместо деонтического противоречия имеем столкновение двух нормативных принципов: $O^*(A) \wedge F(A) \equiv O^*(A) \wedge O(\neg A)$.

Например, в известном мысленном эксперименте с вагонеткой возникает следующая проблема выбора: ничего не делать — но тогда вагонетка продолжит движение в направлении автобуса с детьми и наверняка раздавит его, или же перенаправить её на другой путь, на котором

[1] Например, злым и добрым. «Я должен быть жестоким, лишь чтобы быть добрым» (I must be cruel only to be kind), — говорит Гамлет своей матери. [«Гамлет» (акт III, сцена 4)]. (Этот пример приводит М. Уолцер [6, с. 107].)

лежит пьяный человек? В другом варианте этого мысленного эксперимента приходится выбирать между гибелью нескольких человек и одного человека. Поступок, который деонтолог, быть может, сочтёт морально неприемлемым, консеквенциалист сочтёт морально правильным.

Гибридная позиция следующая: пожертвовать одним человеком, как это предлагает консеквенциалист, неправильно, но принимая во внимание все обстоятельства, а именно, что эта жертва позволит спасти детей или нескольких человек — правильно. При этом признаётся наличие сопутствующего морального ущерба: поступок всё-таки остаётся неправильным. Как следствие, совершающий его «пачкает руки», должен испытывать угрызения совести. Это позиция деонтолога, признающего, что в исключительных случаях, чтобы избежать худшего, необходимо нарушить моральную норму, хотя она и сохраняет свою силу.

Таким образом, в случае нормативного конфликта, если обе нормы сохраняют свою силу, тот или иной долг[2] исполнен не будет. Конфликт может быть между различными нормативными сферами: моральной, правовой, политической, социально-экономической. Эти сферы пересекаются, но не совпадают, не могут быть редуцированы одна к другой. Например, моризм (редукция неморальных сфер к моральной) или легализм (редукция неправовых сфер к правовой) оказываются ложными идеологиями, искажениями, соответственно, морали и права.

Если две обязанности (два долга) имеют одинаковую нормативную силу, возникает нормативная (в частности, это может быть моральная) дилемма. Если же они имеют разную нормативную силу, симметрия нарушается. В то же время вовсе не очевидно, что превосходство одной нормы элиминирует или нейтрализует действие другой. Противоречие между двумя обязанностями может сохраняться. И это значит, что кантовский принцип, что «должен» предполагает «можешь» может нарушаться.

В логике SDL такая ситуация, ведущая к нарушению принципа «долженствование подразумевает возможность» логически невозможна благодаря упомянутой выше аксиоме непротиворечивости, *D*. Поэтому не-

[2] В общем случае речь идёт о долге в смысле удовлетворения этической норме, а не в деонтологическом смысле.

которые философы и логики отрицают существование моральных дилемм. Однако, другие, например, Бернард Уильямс или Рут Баркан Маркус, оспаривают универсальность аксиомы непротиворечивости. Они указывают на существование реальных моральных дилемм — ситуаций типа «Выбора Софи», где человек объективно *должен* совершить два взаимоисключающих поступка. В ситуации «Выбора Софи» мать под угрозой гибели обоих детей должна решить, кого из них отправить на смерть в газовую камеру концлагеря Освенцим. Если она откажется выбирать, нацисты убьют обоих[3]. В «парадеонтических» системах аксиома *D* отбрасывается, чтобы логика могла описывать конфликты обязанностей, не разрушаясь.

ПГР возникает, когда в некоторых исключительных случаях, с учётом всех обстоятельств, оказывается необходимым поступить аморально или совершить преступление [6; 10; 12; 17; 19; 20]. Но что считать необходимостью? Было ли необходимостью повеление Бога принести Исаака в жертву (Книга Бытия, глава 22)? Понтий Пилат осудил Христа на смерть по политическим мотивам, хотя сам считал его невиновным. В Евангелии от Матфея (27:24) читаем: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; сморите вы» (в связи с ПГР этот эпизод упоминается в [17, p. 419].) Но действительно ли была в этом случае политическая необходимость? Скорее, Пилат просто струсил.

1.2 Определение ПГР и примеры.

В философский дискурс ПГР ввёл американский политический философ М. Уолцер в своей статье «Политическое действие: Проблема грязных рук», опубликованной в 1973 г. Он пишет: «Конкретное действие руководства (в политической партии или государстве), — пишет Уолцер, — может быть в точности правильным с утилитаристской точки зрения и все же оставлять человека, который его совершает, виновным в аморальном поступке. Невиновный человек впоследствии уже не является невинов-

[3] Название ситуации восходит к роману американского писателя Уильяма Стайрона, опубликованному в 1979 году.

ным. С другой стороны, если он остается невиновным (...), он не только не поступает правильно (с утилитаристской точки зрения), он также может не соответствовать обязанностям своей должности (которая возлагает на него немалую ответственность за последствия и исходы)» [6, с. 95–96]. (Некоторые говорят, что невиновным в такой ситуации вообще невозможно остаться.) При этом моральный человек, если он виновен в аморальном поступке, всегда испытывает боль, угрызения совести и, быть может, должен быть наказан за свой поступок [6, с. 111–112; 2]. Проблема ставится так: «Как может быть неправильным сделать то, что правильно? Или как мы можем запачкать наши руки, делая то, что нам следует делать?» [6, с. 99; 2]. Через 50 лет Уолцер возвращается к ПГР. Он задаёт вопрос: «Является ли ложь и убийство в данный момент, прямо сейчас, единственным способом избежать чего-то гораздо худшего?» [20].

Приведём пример. Уолцер считал, что на начальном этапе Второй мировой войны бомбардировка союзниками немецких городов была оправдана (он употребляет термин «justified», «обоснована»), хотя и оставляла у них грязные руки. Оправдание состояло в том, что нацизм угрожал существованию самой морали. Для сохранения морали как таковой проходилось прибегнуть к её нарушению. Напротив, бомбардировки немецких городов на заключительном этапе войны, а также бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не имели для Уолцера никаких оправданий [6; 19].

В этой связи вспомним некоторых великих физиков и организаторов науки: Р. Оппенгеймера, Э. Ферми, Э. Лоуренса, А. Комптона. Они входили в так называемый Научный совет, который координировал атомную политику США и был связующим звеном между научным миром и президентом Г. Труманом. Этот совет проигнорировал альтернативные сценарии бескровной демонстрации атомного оружия и 16 июня 1945 года единогласно рекомендовал Труману использовать бомбу против Японии, не видя «приемлемой альтернативы» быстрому военному применению. Оппенгеймер, как научный руководитель проекта, играл ключевую роль в этом решении. Лоуренс поначалу выступал против бомбардировки городов, предлагая техническую демонстрацию. Таким образом, физики легитимизировали массовое убийство мирного населе-

ния ради сомнительной утилитарной «инструментальной необходимости». Говорят, что позже, осенью 1945 года, Оппенгеймер произнес свою знаменитую фразу на встрече с Труманом: «Господин президент, я чувствую, что на моих руках кровь».

Уолцер и многие другие считают, что в своей наиболее острой форме ПГР возникает в политике[4]. В недавней статье Л. Эггерт пишет: «Проблема грязных рук описывает парадоксальную идею о том, что в политике может быть правильным делать то, что морально неправильно» [12, p. 2]. «Возникает парадокс: даже в тех случаях, когда совершать несправедливость/совершать зло (wrong) правильно, эта несправедливость/это зло тем не менее остаётся несправедливостью/злом (wrong)» [12, p. 7]. Но, на наш взгляд, структура проблемы грязных рук (ПГР) возникает в любой нормативной области. В правовой сфере может сложиться ситуация, когда исполнение закона противоречит справедливости. В медицине возможен конфликт между конфиденциальностью и необходимостью предотвратить тяжкий вред. Наверное, в некоторых случаях необходимо нарушить тайну исповеди. И так далее.

1.3 Анализ структуры ПГР.

Как всё-таки понимать ПГР? Каким образом одно и то же действие может быть одновременно правильным и неправильным? Формальная логика, логическая формула не могут дать на это ответ. Перечислю некоторые варианты, которые, на мой взгляд, не объяснят ПГР.

Первое. Норма не может одновременно удовлетворяться и нет. (Парадеонтическая логика отбрасывается.) Второе. Оценочный во внешних контекстах релятивизм (в одном внешнем контексте действие оценивается как правильное, а в другом — как неправильное), на мой взгляд, ложен. Третье. Нет смысла говорить, что действие, которое удовлетворяет или нет одной норме (например, этической), удовлетворяет или нет какой-то другой этической норме. В этом смысле правы те критики ПГР,

[4] Согласно неовеберовской позиции К. Финлей «причина, по которой политическое лидерство часто связано с грязными руками, заключается в его связи с насилием»; при этом ПГР не следует ограничивать экстремальными формами насилия [13].

которые утверждают, что действие не может быть одновременно правильным и неправильным.

Говорят ещё, что в случае ПГР действие одновременно правильное и неправильное в одном и том же контексте. Но не имеет смысла сказать, что две различные нормы оценивают действие в одном и том же контексте, что действие в одном и том же контексте правильное и неправильное. Одним и тем же может быть лишь собственный контекст действия. Применение оценочной нормы расширяет этот контекст до нормативного (соответствующего этой норме) контекста. По отношению к оценивающим действие различным нормам, исходное действие выступает просто как элемент реальности, делание, причинный процесс, неопределённая в нормативном плане ситуация.

Другими словами, область реальности — политической, правовой, социальной, моральной и так далее — можно оценивать с точки зрения разных и разного вида норм, которые в той или иной ситуации эксплицируются и вступают в конфликт. ПГР возникает не только или, быть может, не столько из-за теоретической некогерентности нормативных моральных теорий, концептуальных смешений, сколько в самой реальности, в реальных ситуациях конфликтующих норм.

2 Сценарий с тикающей бомбой.

В статье 1973 года, Уолцер рассматривает следующий сценарий с тикающей бомбой (говорят ещё о «мысленном эксперименте»). «Столица охвачена террористическими акциями, и первое решение, перед которым оказывается новый лидер, таково: его просят санкционировать пытку захваченного лидера повстанцев, который знает — или, вероятно, знает — местоположение нескольких бомб, спрятанных в многоквартирных домах по всему городу и готовых взорваться в ближайшие двадцать четыре часа. Политик приказывает пытать лидера повстанцев, будучи убежден, что он должен делать так ради людей, которые в противном случае могут погибнуть при взрывах, — даже несмотря на то, что он считает, что пытка — это неправильно, более того, отвратительно не просто иногда, но всегда» [6, с. 102–103]. В статье 2023 года опи-

сывается сценарий, в котором бомба заложена в школе, и мы не знаем, в какой именно школе [20].

Таким образом, императив спасения людей перевешивает моральный запрет на пытки. Необходимо совершить зло во имя добра. Говорят, что в данном случае пытка — это наименьшее зло; она не только допустима, но и обоснована, и даже обязательна. Принимая во внимание все обстоятельства, бездействие официального лица может рассматриваться как аморальный поступок или преступление. Деонтология здесь сталкивается с консеквенциализмом, запрет на пытки с неприемлемыми последствиями. Сторонник ПГР, если он признает, что пытка действительно необходима, также признает и то, что тот, кто будет пытать и тот, кто принимает решение о пытке, совершают преступление, «пачкают» свои руки. Преступление необходимо, но остаётся преступлением. Поэтому человек, запачкавший свои руки, должен испытывать чувство вины. Он, быть может, даже должен быть наказан. Возникает проблема бесконечного регресса. Наказывая или не наказывая того, кто действовал аморально или преступно по необходимости, ради спасения людей, мы сами поступаем амбивалентно. Амбивалентность одного поступка ведёт к амбивалентности другого — наказания или ненаказания.

Что касается сценария с тикающей бомбой, то мы склонны согласиться с выводами Боба Бречера, что это фантазия. Он ни в коем случае не должен быть аргументом в пользу легализации или допустимости пыток в каких-то исключительных случаях. На пытку должен быть наложен абсолютный запрет [9]. На наш взгляд, мысленный эксперимент с тикающей бомбой изначально предполагает то, что он пытается представить как необходимость: в экстремальной ситуации пытка необходима; она позволит получить необходимую информацию и обезвредить бомбу, спасти людей; других возможностей избежать трагедии нет. На самом деле, это имплицитное предположение в мысленной конструкции, а не достоверность. Оно может оказаться ложным, и, на наш взгляд, оно ложное.

3 Абсолютистская и контекстуальная этики.

Иногда говорят, что ПГР показывает ограниченность абсолютистской этики, причём абсолютизм связывают именно с деонтологией (хотя консеквенциалисты/утилитаристы тоже трактуют свой принцип как абсолютный). К. Ник и С. Вейзе, например, пишут, что статья Уолцера «была написана как пылкое неприятие как абсолютистского (деонтологического), так и затратно-выгодного (cost/benefit) (консеквенциалистского) подходов к тому, как следует понимать наши реакции на трудные моральные дилеммы в политике» [17, p. 416]. В статье 2023 года сам Уолцер пишет: «Действующие лица в этом парадоксе — моральные абсолютисты, которые, тем не менее, считают, что абсолютизм не обязательно определяет, что им следует делать, а что нет. Они считают, что правила абсолютны в одном смысле, но не в другом. Правила не нерушимы, но если вы их нарушаете, вы совершаете ошибку и должны чувствовать вину, а не просто сожаление. В этом и заключается парадокс» [20]. С.Э.Дж. Коуди высказывает «предположение, что значительная часть смысла обращения к проблеме “грязных рук” проистекает из неоднозначного отношения к абсолютным моральным запретам, сочетающего в себе их неприятие с некоторой ностальгической привязанностью к их сути» [10]. Другими словами, теоретики ПГР признают «всеохватность» морали, но отвергают её абсолютное доминирование. То есть нормы и принципы остаются применимыми, не отменяются и в экстремальных сценариях, но не являются в них доминирующими.

Мы тоже критиковали этический абсолютизм, предлагая контекстуалистскую этику — контекстуальный этический реализм (КЭР) [4]. Мы полагаем, что сходство здесь лишь частичное. Контекстуализм совместим с абсолютной валидностью моральных норм и принципов, корректные употребления которых устанавливаются в контексте. КЭР отвергает тот абсолютизм, который утверждает априорность (и, следовательно, предопределённость) абсолютных моральных норм и принципов и предопределённость их применения во внешних контекстах.

4 ПГР как реальная проблема.

4.1 Макиавеллизм, консеквенциализм, спецификационизм.

Существует несколько способов отрицать существование ПГР или её неразрешимость без морального ущерба. При ближайшем рассмотрении они оказываются несостоятельными.

Макиавеллизм отрицает применимость обычной морали в государственном управлении, политике, отношениях между государствами, ведении войн. Обычно цитируют следующие слова Н. Макиавелли: «Государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости» [3, «Государь», гл. XV, с. 60]. «По справедливости, в его пользу говорит если не поступок, то результат (…). Ведь насилие заслуживает порицания тогда, когда оно направлено на разрушение, а не на исправление» [3, «Рассуждения и первой декаде Тита Ливия», гл. IX, с. 138]. Но их интерпретация и интерпретация позиции Макиавелли в целом неоднозначна. Можно, например, вообще отрицать или же существенно ограничивать, как это делает «политический реализм», применимость морали в политике[5], либо можно утверждать, что существует особая политическая (консеквенциалистская) мораль. В первом случае нарушается всеохватность морали. Во втором — мораль фрагментируется; разные этические системы оказываются применимыми в разных областях. Оба случая противоречат интуиции о том, что те, кто по долгу службы должен заботиться об общем благе, должны быть людьми моральными в понятном для всех смысле, хотя, быть может, в исключительных случаях им необходимо уметь идти на компромиссы.

[5] Позиция Макиавелли содержит известную долю реализма. Он пишет: «Правильнее следовать настоящей, а не воображаемой правде вещей» [3, гл. XV, с. 60]. «Хорошо употреблёнными жестокостями (если дурное дозволено назвать хорошим) являются те, к которым прибегают один раз, когда к этому понуждают интересы безопасности, а затем не упорствуют в них, но обращают, насколько это возможно, на пользу подданных. Дурно употреблённые жестокости — это те, которые поначалу могут быть незначительными, но с течением времени не прекращаются, а, наоборот, начинают множиться» [3, гл. VIII, с. 38]. «Хорошо употреблённое» дурное — это как раз и есть необходимое действие, совершаемое в исключительных случаях, чтобы избежать худшего или другого дурного.

М. Вебер ввёл различие между этикой убеждений (деонтологической христианской моралью) и этикой ответственности. Он считал, что зачастую политик вынужден поступаться своими убеждениями, поскольку несёт ответственность перед обществом за последствия своих решений [2][6]. Но он не отрицал, что в этом случае политик должен испытывать моральные переживания.

Консеквенциалисты это отрицают. Их позиция, согласно которой в сценарии с тикающей бомбой и подобных ему сценариях деонтологический запрет просто отменяется (то есть одна норма не просто превосходит другую, а нейтрализует её) и, следовательно, не возникает никакого морального ущерба, ПГР разрешается, тоже не представляется убедительной. Консеквенциалистский монизм, как и всякий абсолютистский монизм, включая деонтологический, неудовлетворителен, поскольку он не принимает во внимание чувствительность моральных норм и суждений к контексту.

Спецификационизм снимает ПГР, ограничивая права [12]. В сценарии с тикающей бомбой террорист просто лишается права не подвергаться бесчеловечной пытке, а в сценарии с тележкой права на жизнь лишается лежащий на рельсах пьяный человек. Такое искусственное ограничение прав человека, конечно, не является обоснованным и наносит ущерб самой идее прав человека.

Все три позиции — макиавеллизм, консеквенциализм и спецификационизм — отрицают существование побочного морального ущерба — «морального остатка». Если нет ничего предосудительного, то нет и сожалений, угрызений совести, раскаяния, наказания, а также моральной, материальной или какой-то другой компенсации невинно пострадавшим.

Мы разделяем точку зрения тех, кто утверждает, что ПГР — реальный парадокс, отражающий реальные ситуации. Достижение благой цели при помощи аморальных или преступных средств в исключительных случаях не отменяет их аморальный или преступный характер, хотя, быть

[6] Вот как Вебер понимает «убеждения»: «Исповедующий этику убеждений чувствует себя “ответственным” лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка» [2].

может, в той или иной мере и оправдывает их использование необходимостью («оправдывает» в смысле «извиняет»). Никакая моральная система и никакое законодательство не должны допускать исключений, разрешать «пачкать руки». Человек в конкретной экстремальной ситуации должен взять ответственность на себя, осознавая, чем он рискует. Окончательная оценка его поступка возможна лишь постфактум.

Х. Аронович приводит следующий пример: «В 2006 году Конституционному суду Германии было поручено решить вопрос о конституционности Закона об авиационной безопасности, который был должным образом принят парламентом. Этот закон, разработанный с учётом возможного будущего события, уполномочивал правительство отдавать приказ своим военным сбить захваченный самолёт с пассажирами на борту, если было очевидно, что самолёт будет использован в качестве ракеты против цели на территории страны. Суд пришёл к выводу, что закон неконституционен, поскольку нарушает положения Основного закона Германии, гарантирующие право на жизнь и человеческое достоинство невинных пассажиров, и заявил: «Используя их убийство как средство спасения других, […] они рассматриваются как объекты и лишаются той ценности, которая причитается человеку ради него самого» [8, p. 82].

4.2 Оправданные и обоснованные поступки.

Многие теоретики ПГР не делают различия между оправданным (в смысле извиняемым) и обоснованным (justified, зачастую переводят как «оправданный») поступком. Но то, что не может быть обосновано в тех или иных обстоятельствах, иногда может быть оправдано. Обоснование предполагает удовлетворение первичной (более сильной) норме, тогда как оправдание — более слабой (вторичной) норме [21]. ПГР имеет дело как раз с необоснованными, но оправданными (извинительными) действиями. Зазор между оправданием и обоснованием и обусловливал бы наличие грязных рук. Об обоснованности можно было бы говорить в идеальном случае, если бы не оставалось морального ущерба. Но что касается пытки, то, на наш взгляд, она не может быть ни обоснованной, ни оправданной. Мысленный эксперимент с тикающей бомбой основы-

вается на сомнительном предположении о наличие необходимой связи между пыткой и спасением людей.

4.3 Моральные и нормативные компромиссы.

Конфликты неизбежны, а компромиссы необходимы, чтобы избежать наихудшего. Компромиссы сами по себе не являются порочным (недопустимым); они могут иметь моральную ценность. Порочны, компрометируют моральные компромиссы. Последние М. Габриэль называет «ленивыми» (faule) компромиссами. «Этика должна избегать теоретически и практически ленивых (faule) компромиссов», — пишет он [15, S. 336]. «Теоретический ленивый компромисс — это отступление к плюрализму моральных ценностных суждений, чтобы обойти ситуативную безусловность» [15, S. 336]. Плюрализм понимается здесь не в смысле контекстуального плюрализма, а в смысле фрагментации и релятивизации морали. **«**Безусловность этики, — пишет Габриэль, — не ограничивается тем обстоятельством, что другие нормативные системы должны вмешиваться там, где конфликты уже не могут быть разрешены посредством этического познания участвующих лиц» [15, S. 335]. Габриэль трактует ПГР как столкновение моральных и неморальных норм: «Если конфликт не может быть разрешён на основании системы моральных норм, в ход идут другие нормативные системы» [15, S. 335]. В ситуации грязных рук компромисс является нормативно желательным, но это не моральный компромисс. Моральная предосудительность его признаётся. Чтобы достигнуть компромисса, имеющего моральную ценность, необходимо увидеть что-то положительное у другой стороны, а не поступаться своими моральными принципами. Наилучший компромисс максимально учитывает моральную реальность, все моральные факты, достигнутый моральный прогресс и сам способствует ему [15, § 19]. Цитируя определение компромисса, данное В. Занетти, Габриэль пишет: «Ключевой задачей институтов либерально-демократического конституционного государства является обеспечение механизмов ведения переговоров, “в которых участвующие стороны изменяют цель своих действий или сами действия ввиду расходящихся и непримиримых убеждений в направлении, приемлемом для всех сторон, но не считающемся

оптимальным ни одной из сторон" [22, S. 21]. В идеале функционирование этих процессов должно отражать предшествующий моральный прогресс, по которому мы можем измерять, помимо прочего, навыки ведения переговоров, управления конфликтами и дипломатии» [15, S. 335].

5 Принцип наименьшего зла и ПГР у С.Л. Франка.

Проблема, которая во второй половине 20 века получила название «проблема грязных рук», и тесно связанные с ней проблемой насилия и принцип наименьшего зла в той или иной форме рассматривались в философии всегда. Обратимся к русской философии. В работе «Оправдание добра» (1897 г.), критикуя этическую позицию Л.Н. Толстого, В.С. Соловьёв утверждает, что в некоторых случаях следовать принципу непротивления злу насилием означает фактически стать соучастником зла[7]. Принуждение — зло. Но если оно направлено на пресечение ещё большего зла, оно нравственно оправданно. По отношению к большему злу такое принуждение оказывается «относительным злом» и, следовательно, «относительным добром» [5].

Принцип наименьшего зла принимает С.Л. Франк. В своей работе «Свет во тьме», вышедшей примерно через двадцать лет после публикации в 1925 году книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», он предлагает свою версию христианской этики, которая избегает как апологии насилия в борьбе со злом, так и морального ригоризма Толстого. Для Толстого индивидуальное нравственное совершенствование является самоцелью. Ильин, напротив, допускает, что в борьбе со злом может потребоваться «духовный компромисс». Франк утверждает, что вклад в спасение мира, то есть в решение задачи «совершенствования мира в самом широком и общем смысле этого понятия» (см. [7, с. 253–254]) возможен только в виде личного совершенствования, морального действия. Насилие не может создать никакого добра. Но оно может ограничить зло, защитить добро. (Об этом же он пишет в своей работе «Смысл жизни» (1925).) По его мнению, и Ильин, и Толстой не различают эти

[7] Для точности отметим, что Толстой говорит о непротивлении насилием не злу, а злому, то есть злому человеку.

две задачи. Толстой предъявляет максималисткие требования к собственной моральной чистоте, а Ильин — к моральной чистоте общества. Толстой переоценивает возможность нравственного воздействия на окружающих, Ильин переоценивает силу нравственной чистоты борца со злом. Срединная позиция Франка следующая: «(…) *Христианский долг* вынуждает нас скорее брать на свою совесть *грех*, чем, блюдя нашу личную чистоту и святость, из-за бездействия оказаться повинным в торжестве в мире зла, с которым мы не вступили в борьбу. *Христианин обязан идти на грех в своей внешней борьбе со злом*, т. е. в деле ограждения мира от зла, в том случае, если перед голосом совести *грех бездействия будет больше греха, связанного с активным противодействием злу*» [7, с. 169]. (В работе «Смысл жизни», хотя и в несколько другом контексте, он ссылается на Евангелие от Луки: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет ее ради Меня, тот сбережет ее.» (9.24–25).)

На наш взгляд, Франк ближе к Ильину. Излагая позицию Франка, современный исследователь русской философии К.М. Антонов говорит, что для Франка, как и для Ильина, применение силы может быть долгом. Но, в отличие от Ильина, он не романтизирует праведное, то есть направленное против зла применение силы. У Ильина есть ощущение самоправедности, у Франка есть ощущение вины [1]. На наш взгляд — это как раз то самое ощущение вины, о котором говорят теоретики ПГР. Франк пишет: «Всякий грех, даже невольный, даже *морально обязательный*, обременяет душу и, при недостаточной чуткости совести, войдя в привычку, может ее развратить» [7, с. 175].

Как нам представляется, поздний Франк принимает этику долга, категорический императив, но это не кантианский категорический императив, который Франк, как и многие философы, в том числе и русские, отвергнул. Как отмечает Антонов, свой категорический императив Франк не формулирует, и его невозможно сформулировать. Вместо этого он вводит понятие целостного решения морального такта. Задача в том, чтобы в данных конкретных условиях найти исход наименее обременённый греховностью или в наибольшей мере удовлетворяющий требованиям морального долга [1]. В работе «Свет во тьме» Франк пишет:

«В состав *подлинно доброй воли* с самого начала должен входить нравственный такт, в ней должны соучаствовать и нравственное мужество, и чуткое нравственное внимание к подлинным нуждам людей, мудрость и широта горизонта в оценке подлинного значения нашего действия в данной конкретной обстановке мира» [7, с. 174]. «Нравственная активность в мире определяется в конечном итоге (…) неким *нравственным тактом*, — живым чутьем того, какой именно закон, в какой форме и в какой мере может и должен быть применен в данном конкретном случае, чтобы была подлинно достигнута общая цель закона — противоборство злу мира, — или, точнее, какой именно нравственный акт, какое конкретное нравственное решение и действие при данных конкретных условиях соответствует этой общей цели закона. (…) Ввиду непреодолимости до конца мирового зла именно этот здоровый нравственный такт вынуждает человека терпеть меньший грех — а иногда и *совершать* меньший грех, — чтобы преодолеть грех больший» [7, с. 182][8]. Франк также вводит «принцип конкретной эффективности нашей моральной активности» [7, с. 175]. Для него «*мерилом правильности или совершенства поведения в отношении жизни в мире является не чистота или безгрешность действия, а только его необходимость для наиболее эффективного ограждения мира от зла*» [7, с. 172–173][9]. Это сближает его позицию с нашей собственной позицией — контекстуальным этическим реализмом (КЭР), согласно которой суть морали в чувствительности, восприимчивости к этическому контексту, а также в принятии логически достоверных базовых этических убеждений. Только в случае ПГР речь идёт не о единственно правильном этическом поступке, а выборе наименьшего зла. Для этого тоже необходима этическая восприимчивость. Принятие позиции КЭР не избавляет нас от ПГР, хотя и облегчает её анализ.

[8] Недавно на одной конференции мы услышали такое определение: этика — это о выборе между злом и наименьшим злом. На наш взгляд, это неверно. Зло предполагает добро; оно вторично, тогда как добро первично. Норма добра может удовлетворяться, поскольку это удовлетворение контекстуально. Зло — отклонение от добра.

[9] Сравните с тем, что говорит Габриэль об измерении компромиссов моральным прогрессом [15, § 13].

Франк признаёт необходимость компромисса, но не морального компромисса, не принятие принципа «цель оправдывает средства» или утилитаризма/консеквенциализма. Для него «принцип “цель оправдывает средства” безнравственен совсем не потому, что он при известных условиях прощает или санкционирует действия, которые сами по себе греховны. Он безнравственен потому, что он релятивирует святыню добра и безусловное повиновение моральному долгу подменяет рационально-утилитарным расчетом моральных прибылей и убытков.» Моральная ситуация, которую Франк пытается уяснить, иная. Она «сходна только с состоянием, которое наука уголовного права называет *состоянием крайней необходимости*, — с тою только разницей, что необходимость, о которой здесь идёт речь, определена не потребностью самосохранения, а безусловным требованием («категорическим императивом») морального долга. (…) Человек против своей воли поставлен в *трагическую необходимость* жертвовать моральной чистотой отдельного своего действия во имя требования любви к ближнему. Отнюдь не “оправдывая” в абсолютном смысле своего греховного действия, а сознавая его греховность, он руководим лишь сознанием, что *бездействие* было бы *еще большим грехом*. Само подведение этой ситуации под категориальное соотношение “средств” и “цели” не адекватно существу дела. Постановка “цели” не зависит здесь от усмотрения человека, а повелительно предписана ему моральным долгом. И “средства” здесь не просто холодно учитываются по одной их целесообразности, а оцененные во всей совокупности и *неумышленных* их последствий, во всей их конкретной моральной природе, они *навязываются* нашему сознанию как единственный морально обязательный, несмотря на их греховность, путь нашей активности» [7, с. 172–173].

На наш взгляд, ситуация, которую пытается уяснить Франк, как раз ситуация, в которой возникает ПГР. Причём позиция Франка сближается с позицией Уолцера. Отличие, быть может, в том, что у Франка, как кажется, сталкиваются не деонтологическая и консеквенциалистская нормы и две деонтологические нормы. Напротив, взгляды Ильина ближе взглядам тех современных философов, которые отрицают наличие сопутствующего морального ущерба, если действие обусловлено выс-

шей необходимостью. Для Ильина нет вины, нравственная чистота сохраняется, если намерения правильные, насилие совершается ради добра. Для Франка при применении насилия вина всегда присутствует, нравственная чистота нарушается.

Заключение

Ряд авторов считает, что существует конвергенция нормативных этических теорий (деонтологии, консеквенциализма, контрактуализма, обыденной морали, этики добродетели), в частности, что касается деонтических вердиктов в некоторой области этических суждений [11; 16]. Если этические теории действительно сходятся, то некоторые версии ПГР — межтеоретические этические дилеммы — не возникают или ослабляются[10].

С реалистической точки зрения существование нормативных конфликтов является стимулом к социально-экономическим, политическим, правовым и моральным инновациям. Моральный прогресс состоит в создании условий, при которых такого рода проблемы не возникают. Однако с неизбежностью будут возникать новые конфликтные ситуации, которые придётся разрешать новыми методами. Само существование морали предполагает, что мы во многих случаях ошибаемся в наших моральных суждениях и поступках, а также иногда вынуждены неосознанно или осознанно нарушать нормы морали [14; 15].

Список литературы

1. Антонов К. М. От Канта к Франку: этика долга и проблема сопротивления злу в русской мысли [Электронный ресурс] БФУ им. И. Канта, г. Калининград, 12–13.11.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fJ6RE4aGaqo&t=2482s (дата обращения: 27.05.2026).
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. и вступительная статья А.Ф. Филиппова; ред. А.А. Рындин. М.: Рипол-классик, 2018. 292 с.

[10] Некоторые авторы считают, что ПГР вообще не существует (см., например, [18]).

3. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 512 с.
4. Прись И.Е. Контекстуальный моральный реализм // Сибирский философский журнал. 2023. Том. 21 № 4. С. 5–28.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьёв; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. 656 с.
6. Уолцер М. Политическое действие: Проблема грязных рук / М. Уолцер; пер. с англ. Васильев А.В. // Дискурсы этики. 2025. Т. 28 № 4. С. 89–121.
7. Франк С.Л. Свет во тьме. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/svet-vo-tme/ (дата обращения: 27.05.2026).
8. Aronovitch H. Virtues for the Vocation of Politics: Clean Hands, Not Tender Hearts // International Journal of Applied Philosophy. 2020. Vol. 34 No. 1. P. 73–88.
9. Brecher B. Torture and the ticking bomb. Blackwell, 2007. 134 p.
10. Coady C.A.J. The problem of dirty hands [Electronic resource] Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/dirty-hands/ (date of access: 02.05.2026).
11. Dietrich F., List C. What Matters and How it Matters. A Choice-Theoretic Representation of Moral Theories // Philosophical Review. 2017. Vol. 126. No. 4. P. 421–479.
12. Eggert L. Dirty Hands Defended // Journal of Moral Philosophy. 2025. Vol. 22. No. 1–2. P. 1–20.
13. Finlay C. Political Violence: The Problem of Dirty Hands // The Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 561–583.
14. Gabriel M. Sense, nonsense, and subjectivity. Harvard UP, 2024. 296 p.
15. Gabriel M. Moralische Tatsachen Beck, 2025. 463 S.
16. Kappel K., Andersen F.J., Lange V. [et al.]. On the Epistemic Significance of Convergence // Ethical Theory Ethical Theory and Moral Practice. 2026. Vol. 29. P. 5–20.
17. Nick C., de Wijze S. 50 Years of Dirty Hands: An Overview // Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 415–439.
18. Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / Springer, 2007. P. 20–37.
19. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2. No. 2. P. 160–180.
20. Walzer M. Dirty hands revisited // Journal of Ethics. 2023. Vol. 27. P. 415–439.
21. Williamson T. Justifications, Excuses, and Sceptical Scenarios // The New Evil Demon. Forthcoming.

References

1. Antonov K.M. *Ot Kanta k Franku: etika dolga i problema soprotivleniya zlu v russkoy* mysli. [From Kant to Frank: Ethics of Duty and the Problem of Resistance to Evil in Russian Thought] Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 12–13 November 2021. Available from: URL: https://www.youtube.com/watch?v=fJ6RE4aGaqo&t=2482s [Accessed 27th May 2026].
2. Weber M. *Politika kak prizvaniye i professiya* [Politics as a Vocation and Profession] Tr. from German with an introductory article by A.F. Filippov; edited by A.A. Ryndin. Moscow: Ripol-classic; 2018.
3. Machiavelli N. *The Prince*. Tr. from Italian by M. Yusim. St. Petersburg: Azbuka-Atticus; 2015.
4. Pris I.E. Kontekstualnyy moralnyy realizm [Contextual Moral Realism], *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2023. Vol. 21. No. 4, pp. 5–28.
5. Solovyov V.S. Opravdaniye dobra [The Justification of the Good] Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization. Algorithm; 2012.
6. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands. Tr. from English by A.V. Vasiliev, *Discourses of Ethics*. 2025; 4(28):89–121.
7. Frank S.L. Svet vo tme [Light in the Darkness] Available from: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/svet-vo-tme/ [Accessed 7th May 2026].
8. Aronovitch H. Virtues for the Vocation of Politics: Clean Hands, Not Tender Hearts. *International Journal of Applied Philosophy*. 2020; 1(34):73–88
9. Brecher B. *Torture and the ticking bomb*. Blackwell; 2007.
10. Coady C.A.J. The problem of dirty hands. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available from: https://plato.stanford.edu/entries/dirty-hands/ [Accessed 2th May 2026].
11. Dietrich F., List C. What Matters and How it Matters. A Choice-Theoretic Representation of Moral Theories. *Philosophical Review*. 2017; 4(126): 421–479.
12. Eggert L. Dirty Hands Defended. *Journal of Moral Philosophy*. 2025; 1-2(22): 1–20.
13. Finlay C. Political Violence: The Problem of Dirty Hands. *The Journal of Ethics*. 2023; 27:561–583.
14. Gabriel M. *Sense, nonsense, and subjectivity*. Harvard UP; 2024.
15. Gabriel M. *Moralische Tatsachen*. Beck; 2025.
16. Kappel K., Andersen F. J., Lange V. [et al.]. On the Epistemic Significance of Convergence. *Ethical Theory Ethical Theory and Moral Practice*. 2026; 29:5–20.
17. Nick C., de Wijze S. 50 Years of Dirty Hands: An Overview *Journal of Ethics*. 2023; 27: 415–439**.**

18. Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands. *Politics and Morality*. Springer, 2007; 20–37.
19. Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands *Philosophy & Public Affairs*. 1973; 2(2):160–180.
20. Walzer M. Dirty hands revisited. *Journal of Ethics*. 2023; 27: 415–439**.**
21. Williamson T. Justifications, Excuses, and Sceptical Scenarios. *The New Evil Demon*. Forthcoming.
22. Zanetti V. *Spielarten des Kompromisses*. Berlin; 2022.